

Доминирование и завоевание: Элизе Реклю и Вольтарина де Клер

В традиционной политике под завоеванием понимается покорение территорий и народов во время войны. В теории справедливой войны такое покорение легитимизирует применение к зачинщикам военного конфликта того, что Джон Локк назвал самой «деспотичной властью». Поэтому, когда в XVII веке африканцы оказались в состоянии войны с Королевской Африканской компанией, Локк счел справедливым, что их завоевателям позволено продавать своих пленников владельцам американских плантаций[90]. В политическом словаре анархистов термин «завоевание» имеет иное значение — он описывает законодательные и общественные процессы, укрепляющие доминирование, которые всегда связаны с порабощением и зачастую с убийством. Неотъемлемой частью завоевания является насилие, однако свою роль играют и другие процессы: стирание различий, монополизация, централизация, национализация и установление международного контроля. Доминирование возможно и без прямого насилия, но последнее создает особые властные преимущества, от которых сложно отказаться.

Размышляя о завоевании, анархисты часто игнорируют различие между правлением по согласию и узурпаторскими формами правления. Это не означает, что они не осознают разную степень вреда и пользы для общества, которые несут в себе разные типы режимов. Как отмечал Кропоткин, парижские власти не обладали полномочиями одесских губернаторов публично пороть неугодных мужчин и женщин. Во Франции революция утвердила гражданские права, и властители были вынуждены их уважать[91]. Аргументация анархистского взгляда на завоевание опирается на процессы формирования государства, а не на те законодательные ограничения, которыми пестрят истории в духе Руссо. В этом отношении рекомендация Бакунина философам прекратить заниматься пустым теоретизированием и начать строить теории на основе опыта стала для анархистов важным стимулом к изучению факторов, объясняющих возникновение современных государств.

Скептицизм, вызванный расхождениями между политической теорией и исторической действительностью, присущ не только анархизму. Философ XX века Симона Вейль, выдающаяся анархистка, заметила, что «единые и обособленные... территориальные единицы, различные части которых признают авторитет одного и того же государства, возникли в результате затяжных и часто кровавых конфликтов»[92]. В ее краткой истории Франции показано, как благодаря процессу завоевания формировалась национальная

идентичность. Французский народ, утверждает Вейль, появился насильственным путем, а интеграция была достигнута с помощью преступлений, насилий и злодеяний, а не по согласию. «Французских королей восхваляют за ассимиляцию завоеванных ими стран»[93], но правда заключается в том, что они лишили покоренные народы корней, подвергнув самой «опасной болезни», которая может постигнуть человеческое общество[94].

В анархистской политике сомнения в незыблемости теоретических границ между согласием и узурпацией поддерживают общую критику государственного строительства. Ужасающие истории формирования государств не укрепляют целостность нации (как это представляет Вейль), а подчеркивают случайность их возникновения и общность факторов, объясняющих как первоначальную консолидацию территориальной власти, так и ее последующее использование в целях эксплуатации народов и ресурсов за пределами границ государства. Иными словами, между согласием и узурпацией лежит понятие колонизации. Разные народы проходят колонизацию по-разному, но в любом случае она является неотъемлемой частью как территориального устройства европейских государств, так и последующего присвоения ими земель за пределами Европы. Этот аргумент был выдвинут в XIX — начале XX века, в частности, бывшим коммунаром и географом Элизе Реклю и писательницей-феминисткой и педагогом Вольтариной де Клер. Если Реклю изучал причины гегемонии Европы и разрушительную силу европейской цивилизации, то де Клер описала влияние колонизации на коренные народы Мексики.

Гипотеза, лежащая в основе историко-географической теории Реклю, заключалась в том, что глобальные изменения обусловлены движением идей и народов в процессе торговли и войн, а также наличием природных барьеров и путей сообщения: горных хребтов, пустынь, равнин, рек и естественных гаваней. Умеренный климат и в основном судоходный ландшафт изначально предопределили Европе роль места сближения народов. Тем не менее Реклю считал, что Европа обрела свое положение гегемона совсем недавно, а незатейливые истории европейцев о ее великом прошлом были пристрастны и неубедительны.

Бесспорно, корни европейской цивилизации можно проследить до Древней Греции и Рима, но Реклю заметил, что и сами греки не были ее основоположниками. Свои знания они черпали у народов Малой Азии, Египта, Сирии и у халдеев. Вавилон, Мемфис, регионы Индии, Персии и Индонезии были «мировыми центрами» образования еще задолго до Афин. Европейцы впитали добытые Востоком знания в области металлургии, одомашнивания животных, письменности, промышленности, искусства, науки, метафизики, религии и мифологии и этим укрепили свое превосходство. Западное происхождение последующего потока идей объяснялось историческим и географическим везением. К примеру, процветающие сообщества Средней Азии, Индии и Ирана состояли из населения, которое оставалось в значительной степени разрозненным и относительно изолированным; следовательно, распространение их практик и идей также было ограниченным.

Процессы установления международного контроля, сродни тем, которые мы называем сейчас глобализацией, ускоренные техническим прогрессом, отчасти объясняли доминирование европейцев. Например, достижения в морской инженерии и навигации способствовали установлению глобальных связей и позволили британцам обосноваться в Ирландии, Америке, Австралии и Новой Зеландии. Затем свою роль в обеспечении гегемонии

Европы сыграли понятия критической массы и гибкости. Помимо того, что английский язык был введен на всех завоеванных Великобританией территориях, пластичность этого языка способствовала его широкому внедрению в Европе и во всем мире. Стирание культурных различий объяснялось также слепым копированием европейских институтов, костюмов и манер, что порой «доходило до абсурда»[95], как, например, в Японии.

Философ и искусствовед Ананда Кумарасвами наблюдал аналогичные тенденции в Индии. Европеизация не только способствовала распространению худших аспектов европейской культуры, ее «тевтонской и имперской» цивилизаторской миссии и «новой увлекательной теории невмешательства», но душила все лучшие традиции Индии, ее «религиозную философию» и «веру в применимость философии к социальным проблемам». А поскольку современный мир — это не тот «древний мир с его медленным обменом информацией», потери ощущались мгновенно; «то, что происходит сегодня в Индии или Японии, имеет непосредственные духовные и экономические последствия в Европе и Америке»[96]. Это мнение разделял и Реклю. Он тоже связывал гегемонию Европы с ее материалистической, меркантильной культурой. Европа была самым маленьким континентом, на котором при этом проживало около четверти мирового населения и было сосредоточено более половины мировых богатств[97]. Такая статистика говорила сама за себя.

Европейцы колонизировали мир, распространяя посредством войн режим правления, основанный на частной собственности. Реклю признавал, что этот режим не был тотальным, даже в Европе. В начале XX века, отмечал он, «нет ни одной европейской страны, где бы полностью исчезли прежние традиции общинной собственности»[98]. Он также считал, что сопротивление способно реально ослабить гнет. Но стремление европейцев к приобретению частной собственности все же носило массовый характер и перевешивало. На то было три причины. Во-первых, колонизаторов терзала неутолимая жажда обогащения. Во-вторых, структурное неравенство, подкрепляемое частной собственностью, разжигало недовольство, которое легко вымещалось в форме расизма и шовинизма. Три года жизни в Луизиане в начале 1850-х годов помогли Реклю увидеть, что система рабского труда повсеместно считалась «причиной прогресса» и следованием «доктринам нашей святой религии и священным законам семьи и собственности»[99]. В-третьих, нестабильность вследствие социальных противоречий, порождаемых частной собственностью, обусловила необходимость постоянного использования вооруженных сил. Именно по этой причине Реклю описывал колонизацию как общее состояние войны, проявляющееся в спорадических конфликтах, которые все чаще возникают на фоне индустриализации. Во время испано-американской войны 1898 года он писал:

“ «На нас движется война; ужасная война со всеми ее злодеяниями и неопишуемой глупостью. Уже слышно вдалеке ее эхо. У каждого из нас есть друзья или родственники, называющие себя героями, потому что убивают матабеле или малагасийцев, дервишей или дакоитов, жителей Филиппинских островов или Кубы, цветных, белых или черных.

Но опасность гораздо ближе, она уже рядом с нами. Наши соседи испанцы и цивилизованные англоязычные люди — североамериканцы — бросаются

друг на друга с криками ненависти, проклятиями и оружием в руках. Эти вспышки ненависти и гнева предваряют грохот пушек и бомбардировки городов. Американское правительство обращается к гениальному Эдисону, ко всем изобретателям с призывом совершать новые открытия в искусстве истребления своих собратьев»[100].

Родившаяся почти на 40 лет позже Реклю и попавшая под влияние радикальных идей во время несправедливого суда над участниками Хеймаркетского бунта, Вольтарина де Клер выступила с критикой колонизации, тесно перекликавшейся с точкой зрения Реклю. В основу ее анализа 1911 года легли размышления о мексиканской революции. Как и Реклю, в качестве главной проблемы конфликта она называла право владения землей и связывала различные системы собственности с альтернативными культурами. Согласно де Клер, уклад жизни коренных народов был коммунистическим. «Для них, — поясняла она, — лес, вода и земли находились в общем пользовании». Каждый имел возможность брать все необходимое, чтобы строить хижины и орошать посевы. «Пахотные земли выделялись по взаимному согласию перед посевом и возвращались племени после уборки урожая для перераспределения. Право на выпас скота, заготовку топливной древесины было у всех». Это были союзы взаимопомощи. «Сосед помогал соседу строить жилище, пахать, собирать и хранить урожай»[101].

Колонизация была насаждением «готовой системы эксплуатации, импортированной и навязанной» коренным жителям, «в результате чего они лишились своих домов» и «были вынуждены стать рабами-арендаторами у тех, кто их грабил»[102]. В Мексике при режиме Диаса (1876–1911) колонизация происходила через программу приобретения земельной собственности, в результате которой образовались необъятные гасиенды, по площади соперничающие с целыми штатами США. Последствия колонизации де Клер сравнивала с нормандским завоеванием:

“ «Историки с ужасом рассказывают о жестоких деяниях Вильгельма Завоевателя, который в XI веке объявил территорию Нью-Форест королевскими угодьями для охоты на оленей и, чтобы расчистить место, уничтожил немало английских ферм и домов. Но его деяния были милостью божией по сравнению с действиями мексиканского правительства в отношении индейцев. Для внедрения "прогрессивной цивилизации" режим Диаса предоставил огромные земельные концессии местным и иностранным капиталистам — главным образом последним... В основном эти концессии предоставлялись капиталистическим картелям для строительства железных дорог... добычи полезных ископаемых или создания "современных промышленных предприятий"[103].

Поскольку колонизация апеллировала к волшебной силе закона, она также напоминала огораживание англичанами общинных земель и зачистки шотландского высокогорья:

“ «Человечество изобретает письменный знак, чтобы облегчить процесс коммуникации; но в дальнейшем этот знак становится знаменем

всевозможных чудес. Разве это не чудо, когда кусочек земной тверди переходит под власть бессильного листа бумаги; а далекий кусочек живой плоти, который никогда и не видывал этой земли, вдруг получает полномочия изгонять сотни, тысячи подобных ему кусочков плоти, хотя они росли на этой земле, как растут на ней деревья, обрабатывали ее и удобряли своими костями в течение тысячи лет»[104].

Принятый в Мексике в 1894 году закон о земле был одним из мощнейших инструментов приватизации огромных участков общинных земель и даже земель поселений, «на которые жители не могли предъявить законного права собственности». Благодаря закону «юридические уловки», полностью игнорирующие «права и уклад жизни древних племен», позволяли «образованным и влиятельным» обращаться «в суд... и предъявлять иски», выгоняя тех, кто жил на этих землях в течение многих поколений[105].

В завершении своего рассуждения о колонизации де Клер говорит об унижающем человеческое достоинство влиянии культурного империализма и обусловленном им расизме. Отсутствия «теоретических знаний» у коренных народов было достаточно, чтобы «сделать вывод о том, что эти люди неразумны, поскольку они неграмотны»[106]. По логике колонизаторов, «вооружать народ знаниями» — невыгодно. Зато, единожды сочтя местных жителей неразумными, можно было и впредь относиться к ним как к ресурсам, которыми будут управлять те, кто лучше разбирается в способах повышения производительности. За этим последовали массовые переселения. Подобно тому как сегодня природные парки отдаются под добычу энергоносителей, племя индейцев яки из пустыни Сонора на севере Мексики в массовом порядке было выселено на Юкатан, расположенный примерно в 4 тыс. км к югу, чтобы заниматься там рабским трудом на губительных для организма плантациях конопли. Вызванное колонизацией сопротивление было названо препятствием на пути прогресса и цивилизации, что явилось оправданием тюремных заключений и частых развертываний войск. Ужасы насилия, которые довелось испытать местному населению во имя развития, ярко запечатлены в сборнике новелл «Джунгли» (Jungle Novels) Б. Травена, написанных в 1930-х годах. Тон повествования де Клер более сдержанный, чем у Реклю, но в своих рассуждениях о колонизаторах она обнажает те же самые пороки: «Экономисты... скажут, что эти невежественные люди с их примитивными институтами и методами не смогут развивать сельскохозяйственные ресурсы Мексики и что они должны уступить место тем, кто эти ресурсы будет развивать, что таков закон человеческой эволюции»[107].

Версия #2

Зверобой создал 11 апреля 2025 14:27:44

Зверобой обновил 11 апреля 2025 14:32:31